

ВОЙНА

Страх и поиск будущего

Накануне 9 мая **Свеня Гольтерманн**, профессор истории нового времени в Цюрихском университете и соиздатель онлайн-издания *Geschichte der Gegenwart* («История современности»), реконструирует обстановку в Германии весной 1945-го.

Свеня Гольтерманн

Бывают времена, когда кажется, что десятилетия назад мы добились большего, чем имеем сейчас. Такое ощущение возникает сегодня в Германии, которая вспоминает окончание Второй мировой войны. Исторические высказывания ревизионистского толка, преуменьшающие ужасы и преступления нацизма, звучат не только постыдно громко — «новые правые» целенаправленно прибегают к ним для атак на демократический и либеральный порядок в федеративной республике. «Фундаментальный антигитлеровский консенсус», который историки Ульрих Херберт и Аксель Шильдт 20 лет назад считали объединяющим признаком почти всех социумов на европейском континенте, трещит по швам. И потому вспоминать о конце войны сегодня снова становится важным.

Официально война в Германии закончилась 8 мая 1945 года, в день безоговорочной капитуляции. Этот день знаменовал собой для большей части Европы прежде всего конец развязанной немцами преступной войны, начавшейся в сентябре 1939 года с нападения на Польшу и вылившейся в беспрецедентную эскалацию насилия и истребления людей, прежде всего на востоке Европы. Общее число погибших сегодня оценивается более чем в 60 млн, вследствие геноцида, бомбежек и насильственного переселения большую часть из них составляло гражданское население.

Только Советский Союз потерял более 25 млн человек, Польша — около 6 млн, из которых около 3 млн составляли евреи — и это больше половины от всех убитых в Европе евреев. Преступления немцев в отношении евреев, совершенные прежде всего на востоке континента, не имели исторических параллелей.

Тем не менее для историков конец войны — это не только сам день капитуляции. Война начала близиться к завершению на много месяцев раньше — на западе Германии это почувствовалось не позднее 11 сентября 1944 года, когда американские солдаты близ Аахена пересекли государственную границу Реймского Рейха. А месяц спустя советские солдаты впервые перешли немецкую границу на востоке.

Происходившее на территории Рейха в месяцы, оставшиеся до безусловной капитуляции, имело противоречивую природу: нарастающая усталость немецкого гражданского населения от войны сочеталась с ощущением «последних сражений», навязанным пропагандой — ожесточеннее всего они велись на востоке Германии. Треть людских потерь вермахта за все время Второй мировой войны приходится именно на послед-

В 1945-м немцы по-настоящему узнали, что такое трагедия войны

ние месяцы с января по май. Кто-то из немцев уже вывешивал из окон белые простыни, сигнализируя американцам о капитуляции, тем временем эсэсовцы отправляли солидную часть оставшихся узников концентрационных лагерей на «марши смерти».

Советские, американские и английские солдаты один за другим освобождали концентрационные лагеря, но не каждого изможденного и умирающего от голода узника им удалось спасти. На этой фазе ликвидации государства и неопишемого хаоса на немецкой земле пересеклись

В СС еще в марте 1945 года констатировали, что все больше людей думают покончить с собой из-за страха «перед неминуемо надвигающейся катастрофой»

дороги узников концлагерей на «маршах смерти», беженцев и вынужденных переселенцев, немецких военнопленных, людей, лишившихся крова в результате бомбежек, и иностранных принудительных работников, части из которых к тому моменту уже удалось вернуть себе свободу. Сотни тысяч из них так и не дождалась окончания войны.

Не только многочисленные крупные и мелкие функционеры от НСДАП, но и «обычные граждане», мужчины и женщины (преимущественно на востоке), в последние месяцы войны наклеивали на себя руки. В СС еще в марте 1945 года констатировали, что все больше людей подумывали покончить с собой из страха «перед неминуемо надвигающейся катастрофой».

Конечно, немалую роль в этом сыграл страх перед метью красноармейцев, который сели пропагандисты. Но были и люди, которые просто не видели будущего. Те, кто подвергался преследованиям нацистов, с нетерпением ждали прихода союз-

ные безоговорочной капитуляции 8 мая 1945 года в душах немцев медленно уступало место другим чувствам. Об этом свидетельствуют автобиографические тексты, дневники, письма, истории болезней. Стремление думать о будущем часто даже у одного и того же человека смешивалось с крайней усталостью и скорбью, с чувствами беспомощности, страха и полной зависимости на фоне абсолютного отсутствия ясности относительно будущего Германии и собственной судьбы.

Свой вклад в эти противоречивые чувства внесли грабежи (не только со стороны оккупационных войск), физическое насилие и изнасилования, голод, который зверствовал прежде всего в городах, а также решимость союзников радикально искоренить национал-социализм, даже если в конечном итоге и с учетом желания как можно быстрее построить новый политический порядок это оказалось нереальным. Те, кто коснулись массовые аресты первых послевоенных месяцев (в американской зоне оккупации в лагерях для интернированных оказалось около 117 тыс., в советской — около 127 тыс. бывших членов партии), не могли предвидеть, чем все это закончится. То же относилось и к программам денацификации, которые хоть и проводились в разных зонах оккупации с различной степенью жесткости, повсеместно означа-

ли для миллионов немцев проверку их национал-социалистического прошлого и возможность репрессий.

На ощущение непредсказуемости, которым сопровождался соответствующие программы, явно указывают и лихорадочные поиски документов, подтверждавших непричастность к нацистским преступлениям — это не ускользнуло от внимания современников и служило поводом для колких комментариев. Многим удалось «отмыться» с помощью так называемых перильных грамот и преуменьшить личную ответственность за преступления нацистов.

Программы денацификации для многих, кого они коснулись, стали тем решающим опытом, который их вынудил обратиться к собственному национал-социалистическому прошлому и дистанцироваться от идеологии национал-социализма. К этому добавлялось то обстоятельство, что до самого завершения разбирательства и снятия с них подозрений они не знали, разрешат ли им продолжить работать по специальности. Для колоссального количества мужчин это время ознаменовалось тягостным, изнурительным ожиданием решения, столь важного для их будущего.

Историк Михаэль Гайер заостренно сформулировал это так: из расхождений в оценках 8 мая 1945 года как дня «освобождения» или «поражения» явствует, насколько «послевоенное общество к концу XX века „отговорилось“ от войны». Когда мы, немцы, сегодня настаиваем, что этот день принес нам освобождение, то это, безусловно, оправдывается потребностью недвусмысленно выразить полное признание преступного характера национал-социалистического режима и необходимости его разгрома.

Но разговоры об «освобождении» — тоже коварная вещь. С одной стороны, они искажают картину истории: колоссальное количество немцев отнюдь не чувствовали себя «освобожденными», поскольку верили в «фюрера», испытывали большой страх перед будущим или сами столкнулись

Сразу после окончания войны немцы поскорее отставили на задний план преступления нацизма — по сути, вытеснили их из сознания

с насилием. С другой — «имплицитный» смысл «освобождения» подразумевает, будто все немцы были исключительно жертвами, как несколько лет назад отметил в одном интервью историк Райнхарт Козеллек. «Но мы, немцы, были еще и преступниками в очень определенном смысле, будь то в качестве охранников концлагерей или солдат. Я сражался до самого конца, чтобы спастись, уйти на Запад, говорить, что я был жертвой, для меня было бы ложью. И говорить, что меня освободили, в то время как меня, наоборот, арестовали, полностью противоречит моему опыту», — сказал он.

Если обратиться непосредственно к послевоенному времени, свидетельства немцев, которые сами открыто называли себя преступника-

ми, будут очень редки. Многим иностранным наблюдателям, а позднее и историкам современности в целом казалось, будто сразу после окончания войны немцы поскорее отставили на задний план преступления нацизма — по сути, вытеснили их из сознания или как минимум уверовали в их относительность, ни в коей мере не чувствуя своей вины за те или иные деяния и не испытав потрясения от свершившихся преступлений.

Конечно, такое тоже имело место, хотя трудно сказать, какой процент населения пошел этим путем. Однако по отсутствию уверенности в завтрашнем дне и потере ориентиров, отчаянию и страхам, сразу после войны терзавшим многих немцев, и в особенности бывших солдат, можно заключить о постоянном присутствии пережитого и совершенного насилия в жизни тех, кто избежал самого худшего.

Так, в непосредственно послевоенных дневниках, письмах и историях болезни регулярно встречаются упоминания о массовых страхах, вытекавших из столкновения с солдатами оккупационных войск и программ денацификации. Очевидно, что такие страхи подпитывались достаточно серьезным знанием о преступлениях, «сбежать» от которого было трудно.

Эти воспоминания посещали бывших солдат в их снах, но в то же время оказывались движущей силой для постоянного обращения к собственной личности, которой требовались новые ориентиры, чтобы жить дальше с таким прошлым.

Бывший военнослужащий вермахта Франц Ф. был одним из них. Даже по прошествии трех лет после окончания войны пережитое не отпускало его. Воспоминания преследовали его во сне, а днем, как он рассказывал врачу, Ф. регулярно ловил себя на том, что «размышлял над событиями военных лет». Он не уточнял, какие именно ужасы он не мог забыть, но при этом говорил, что в нем будто бы две души, одна из которых, более грубая, проявляет себя только в условиях

войны. Но он уверял врача: «Если бы я еще раз оказался во многих ситуациях, то проявил бы большую чуткость».

По солдатам, вернувшимся с войны, очень хорошо видно, что их жизнь в первые послевоенные годы, вопреки внешнему впечатлению, часто напоминала испытание на разрыв — чтобы снова найти внутреннее равновесие, требовалось время. Они крайне редко упоминали страдания вражеских солдат и убитых ими людей, но все это в какой-то степени испустилось присутствовало в их сознании и пронизывало всю жизнь тех, кто избежал худшего, их попытки осмыслить собственное поведение во время войны и не в последнюю очередь общение в бесчисленном множестве немецких семей.

ЭКОНОМИКА

«На нас смотрит весь немецкий бизнес»

>> стр. 1 — В 2003 году я впервые из журналистов опубликовал исследование о том, что вирус пришел из Пекина и там появились первые погибшие.

Когда выяснилось, что случаи заболевания зафиксированы не только в Гонконге, как утверждало китайское правительство, но и в столице, Пекин вымер. Даже без карантина и приказов о самоизоляции никто из миллионов жителей Пекина не выходил на улицу: люди попросту боялись.

Так что меня было сложно испугать коронавирусом. И когда вирус пришел в Москву, я собрал свою команду и сказал им, что знаю, что делать, как руководить в условиях начинающейся пандемии. Я говорил, что это наш час, что на нас смотрит весь немецкий бизнес, ему сейчас как никогда нужна наша поддержка. Кризис — это время Палаты! Сперва мы помогли попасть в список федеральных и региональных системообразующих предприятий, с тем чтобы компаниям разрешили продолжить работу. Потом мы помогли компаниям возвращать в Россию топ-менеджеров и технических специалистов, застрявших за границей. В итоге за прошлый год многие бизнес-ассоциации как в России, так и в мире пережили спад или стагнацию. А к нам пришли новые члены, мы

стали более востребованы и выросли более чем на 10%. Сейчас в Палате состоит 1 тыс. компаний-членов, тогда как у наших партнеров в Ассоциации европейского бизнеса — порядка 500.

Статьи, оказалось, что между SARS-CoV-1 и SARS-CoV-2 были существенные различия. Смертность от первого была гораздо выше, но заразиться было сложнее. Так что миру крупно повезло, что SARS-CoV-2 не настолько смертелен (иначе мы увидели бы десятки и сотни миллионов погибших) и что прогресс в науке позволил в течение года разработать вакцины. В том числе в России, где одной из первых была создана эффективная вакцина.

— **Вы сами вакцинировались?**
— Мне пока не нужно. После того как я сам переболел коронавирусом, у меня уровень антител — 178 относительных единиц на миллилитр крови. Этого должно хватить года на полтора, потом я обязательно вакцинируюсь.

— **А как пережили этот год немецкие компании в России? Прошлой весной более 60% из них сообщили о полной или частичной приостановке работы.**

— Большинство компаний быстро перешли на удаленную работу или, если это были промышленные предприятия, смогли про-

должить работу благодаря гибкому подходу российских властей. Более серьезные проблемы возникли с глобальными цепочками поставок — я только вчера говорил с CEO Centinental, компании—производителя автомобильных шин, у них сейчас проблемы с компонентами для находящегося здесь производства.

— **Непосредственно между Россией и Германией передвижение товаров удалось сохранить?**

— Мы видим, что оборот наших логистических компаний — Rhenus, DB Schenker, Kuehne + Nagel, Hellmann — в пандемию вырос, то есть выросла потребность в их услугах. Вот небольшой пример: почему-то в первые недели пандемии немцы расхватали туалетную бумагу, как россияне гречку, и за прошлый год компания WR Group, член нашей Палаты, совместно с заводом из Калужской области «Архум Тисью Групп» отправили в ФРГ тысячи фура туалетной бумагой.

— **После активного роста в 2018 и 2019 годах объем чистых прямых инвестиций немецкого бизнеса в 2020 году должен был наверняка упасть, но в СМИ появлялись разные итоговые показатели. Вы можете поведать эти итоги?**

— По данным Немецкого федерального банка, 2018 и 2019 годы

были очень хорошими, учитывая санкции, напряженную политическую обстановку и медленный рост ВВП в России. €3,2 млрд в 2018 году, затем €2,3 млрд. Уже первый квартал 2020 года показал скачок в €1,8 млрд, весь наш бизнес очень ждал этого года, атмосфера была многообещающая.

Вдруг ударила пандемия. В конце года выглядело все так, как будто нам все-таки удалось выйти в плюс, но в начале апреля Немецкий федеральный банк скорректировал цифры — и мы все-таки в легком минусе: где-то на €300 млн. В условиях пандемии это не так страшно, но в этом году мы рассчитываем на рост, в том числе за счет догоняющих инвестиций. Они были запланированы, но компании предпочли их отложить.

Во-первых, из-за неопределенности в условиях COVID-19, во-вторых, потому что немецкий бизнес — это прежде всего семейный бизнес. Бизнесмены, которые представляют собой средний бизнес, — костяк нашей экономики, это люди, которые хотят видеть своего будущего партнера, хотят видеть, где конкретно они строят фабрику и что покупают. Они просто не могли приехать в Россию. Слава богу, сейчас границы вновь постепенно открываются.

— **Вы, кстати, активно помогли иностранным высококвалифицированным специалистам (ВКС), которые оказались с началом пандемии за рубежом и не могли вернуться в Россию.**

— Мы признательны и немецкому правительству, и российскому, что они уже к июню прошлого года смогли договориться о возвращении ВКС в Россию. Через списки, поданные нами, в Россию смогли вернуться порядка 1,3 тыс. менеджеров и членов их семей.

К сожалению, остался двухнедельный карантин по прилету в Россию. На днях я приглашаю десяток топ-менеджеров для обсуждения дuality профессионального образования, одного из важных направлений нашей работы, в котором заинтересована и российская экономика — двое из них сидят дома, потому что по прилету в Россию попали в двухнедельный карантин.

— **Многие европейцы, приезжающие в Россию из стран, где сохраняются жесткие карантинные ограничения, удивлены их отсутствием тут. Для немцев, у которых карантин тянется еще с зимы, — это свидетельство свободы или беспорядка, который тут царит?**

— Наверное, те, кто приезжают в первый раз, могут быть шокированы тем, что большинство ходят уже без

масок. Но могу предположить, что бизнесмены и менеджеры, которые тут живут постоянно, довольны и ценят возможность свободно ходить в рестораны, театры, кино, а главное — встречаться с сотрудниками и бизнес-партнерами. Они хорошо понимают ситуацию, понимают, что массовый иммунитет уже достаточно распространен, а российские клиники и больницы в мировом масштабе неплохо справились с кризисом.

— **Не могу не спросить про «Северный поток». Восточный комитет немецкой экономики, объединяющий бизнес, работающий со странами Восточной Европы и Россией, в середине апреля приветствовал намерение администрации Джо Байдена назначить спецпредставителя по «Северному потоку-2». У вас есть позиция на этот счет?**

— Не буду комментировать само намерение. Мы как Российско-Германская внешнеторговая палата еще в феврале 2019 года опубликовали позиционный документ по «Северному потоку-2». Из него следует, что «Северный поток-2» действительно важен для энергоемкой немецкой экономики и что Германия потеряет конкурентоспособность, если будет вынуждена покупать более дорогие энергоносители, в том числе СПГ — не важно, у американцев или у кого-то еще.